

гер, А. Грегуар, В. Лоран⁵⁰, а в самое последнее время также А. П. Каждаюм⁵¹.

Приступая к аргументации своего вывода, Н. Бенеску отмечает, что титул архонта не был исключительным достоянием независимых от Византии династов, какими, например, были русские князья. Напротив, этот титул был усвоен и в официальной административной терминологии Византии для обозначения наместника области или города и практически был синонимом титула «стратиг».

К моменту публикации статьи Н. Бенеску в русском сфрагистическом материале не было других печатей, способных служить аналогией вновь открытой булле, за исключением печати Феофано. Поэтому дальнейший ход аргументации автор связывает исключительно с этой буллой, исходя из признания локального значения термина «Россия» на ней, тождественного, по его мнению, «России» Идриси и договора императора Мануила.

Н. Бенеску подверг сомнению самую возможность включать эту буллу в число русских сфрагистических памятников. Он сослался на печать другой Феофано, названной в легенде «дукиссой Опсикия», и из этого сопоставления сделал два вывода, показавшихся вполне убедительными первым рецензентам его статьи. Во-первых, «жена дукса носит титул своего мужа, подобно тому как жена архонта России». Во-вторых, «Феофано была женой некоего Музалона, военачальника (= стратига. — В. Я.) России». Иными словами, родовое имя владелицы буллы, помещенное в легенде, по мнению Н. Бенеску, указывает не на ее происхождение, а на имя ее мужа. Естественно, что, если имя Музалон носила не только Феофано, но и ее муж — «архонт России», эту супружескую пару нет нужды разыскивать в списках русских князей и княгинь. Она закономерно свяжется с кругом лиц, принадлежавших к административной системе Византийской империи. Что касается цитированного Н. Бенеску мнения Х. М. Лопарева и Н. П. Лихачева о принадлежности печати Феофано жене князя Олега, то критику этого мнения исследователь сформулировал с предельной лаконичностью: «Простое совпадение имен ничего не доказывает».

⁵⁰ «Byzantinische Zeitschrift», 41, 1941, S. 252; «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres», 5-е série, t. XXXII. Bruxelles, 1946, p. 249—254; «Byzantinische Zeitschrift», 53, 1960, S. 279.

⁵¹ А. П. Каждан. Византийский податный сборник на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», стр. 93—101.

Подготовив, таким образом, почву для своего основного вывода, Н. Бенеску заключает, что если булла Феофано не имеет отношения к русской сфрагистике, а, напротив, свидетельствует о подчинении Тмутараканской Руси Византии, то тем более печать архонта Михаила должна считаться принадлежащей к кругу собственно византийских сфрагистических памятников.

Это построение нашло наиболее последовательного сторонника в лице крупнейшего современного знатока византийской сфрагистики В. Лорана и побудило его в 1960 г. сделать следующее заявление: «Что касается «архонтия России», я выступлю в другой своей статье против навязчивой идеи, якобы этот термин можно переносить на династов или местных князьков (эпирских, болгарских или русских), — он принадлежит византийским чиновникам, существование которых несомненно»⁵². Обещание, данное В. Лораном, пока еще не выполнено, и система его аргументов в пользу византийской принадлежности булл Феофано и Михаила остается такой, какой она была построена Н. Бенеску в 1941 г.

Основным оппонентом построения Н. Бенеску был А. В. Соловьев. Убедительно доказав ошибочность выводов румынского исследователя в их историко-географической части, А. В. Соловьев предпринял тщательную локализацию Хазарии и Зихии и предложил вполне аргументированное решение: Михаил был архонтом сравнительно небольшой территории, включавшей Таманский полуостров, низовья Кубани и Восточный Крым. В специальной статье А. Л. Монгайта предпринята не менее убедительная попытка показать на материалах археологических и письменных источников правомерность локализации именно в этих границах русского Тмутараканского княжества.

Выступив против предложенной Н. Бенеску атрибуции обеих печатей, А. В. Соловьев привлек новейший сфрагистический материал (буллы «архонтов России» Андрея-Мстислава и Давида) и продемонстрировал безусловную принадлежность спорного титула русским князьям. Он обратил внимание также на неизбежность недоразумений в случае использования каких-либо византийским наместником города Росия титула, привычно употребляемого русскими князьями в широком и достаточно определенном смысле. Во избежание такого недоразумения византийский наместник назывался бы скорее стратигом, катепаном или проноетом. Что касается родового имени византий-

⁵² «Byzantinische Zeitschrift», 53, 1960, S. 279.